

В серию входят:

Кофейные истории I

Кофейные истории II: Искусство и кофе

Кофейные истории III: Кофе со льдом

Кофейные истории IV: Кофе с сюрпризом

Кофейные истории V: Кофе, можжевельник, апельсин

Кофейные истории VI: Кофе с привкусом вишни

Кофейные истории VII: Кофе для эстетов

Кофейные истории VIII: Терпкий кофе, сладкий жасмин

Кофейные истории IX: Кофе и полынь

Ключ от всех дверей

Прочь из моей головы

Лисы графства Рэндалл

Тимьян и клевер

Трое для одного

Забери меня отсюда

Огни Хафельберга

Белая тетрадь

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Р67

Ролдугина, С.

Р67 Кофейные истории I / С. Ролдугина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 352 с. — (Миры Софьи Ролдугиной).

ISBN 978-5-517-12295-7

Добро пожаловать в Великую Аксонскую Империю!

Здесь по улицам славного города Бромли всё ещё раскатывают кэбы и омнибусы, но под землёй уже шумит метро. Здесь в переулке можно встретить бродячую гадалку — или благородную графиню, а если отвернётся удача — получить ножом в бок. Здесь проходит рубеж веков, и за эпохой лошадей наступает век паровозов, а следом уже спешат, подгоняя прогресс нетерпеливыми гудками, первые электромобили. А в сердце города гостеприимно распахнула двери самая желанная кофейная столицы — «Старое гнездо», только вот её хозяйке сейчас не до светских развлечений. Чудом пережив покушение, леди Виржиния знакомится с детективом Эллисом — нахалом, грубияном и отнюдь не джентельменом. И теперь уже в её судьбе начинается новая эпоха, а к худу или добру — покажет лишь время...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12295-7

© Софья Ролдугина, текст, 2024
© Арина Щербинина, иллюстрации, 2024
© Алина Гагаринова, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Софья Ролдугина

КОФЕЙНЫЕ ИСТОРИИ I

RUGRAM

Москва
2025

Кофе с перцем и солью

В медный кофейник с кипящей водой следует засыпать кофе и вновь медленно довести до кипения, пока пена не начнет подниматься воздушными облачками. Закипевший напиток снять с огня и добавить чёрный перец на кончике чайной ложки, а затем - опять вернуть на огонь и снова довести до поднятия пены, повторив сие три раза.

И только после этого добавить щепотку соли и немного сливочного масла.

Когда гуща осядет, можно разливать по чашкам.

Этот напиток имеет вкус необыкновенный, ни на что не похожий.

Будьте смелее – оцените его по достоинству! И маленькая перчинка может добавить Вашей жизни остроты!

Я никогда не верила в колдовство, прорицания, силу медиумов и прочую мистику. На мой – весьма и весьма скептический – непредвзятый взгляд все это можно припечатать одним нехорошим словом: шарлатанство.

И, тем не менее, назвать свою жизнь свободной от всяческих суеверий я бы не смогла, так как сейчас разговаривала с собственной покойной бабушкой.

Урожденная леди Милдред Валтер, в браке – Эверсан, и после смерти сохранила рациональный и в тоже время восторженный взгляд на жизнь, которым славилась смолоду.

– ...Моя милая Гинни, – с той особой, призрачной улыбкой говорила бабушка, покачивая в пальцах любимую курительную трубку. – Не стоит бояться перемен.

Сколько себя помню, старая графиня Эверсан всегда сокращала моё имя только так – до острой, свежей пряности, которую делали из имбирного корня. То, как называли меня родители в надежде смягчить семейный буйный нрав – Энн, «миловидная», и Виржиния, «непорочная» – категорически не нравилось бабушке. О, она-то знала толк в именах! В коротком и веском «Милдред» сливались воедино «милосердие» и «величие», и я никогда не смогла бы сказать, чего в ней было больше.

– Мы живем в век перемен, дорогая. Не только в быту, да сохранят нас Святые Небеса... – трубка дохнула ароматным дымом, в котором почти не ощущался запах табака – ...но и в душах человеческих. Меняется все вокруг, милая Гинни. Пора бы измениться и тебе.

Казалось, сама комната вокруг обернулась клубами дыма – уже не различить было ни стен, ни потолка. Лишь всё так же сминался под моими пальцами длинный, мягкий ворс альпийского ковра.

– Что вы имеете в виду?

Женский силуэт в туманных клубах рассмеялся залиvisto и хрипловато:

– О, что угодно, Гинни! – Скрипнуло кресло-качалка. – Что угодно! Перемены наступают незаметно. Надо лишь приоткрыть дверь – и они войдут в твой дом сами. Новая шляпка, или служанка, или стрижка, или знакомство – кто знает, что послужит ключом?

– Не понимаю вас, бабушка... – растерялась я. – Конечно, я собиралась посетить парикмахера, но...

Комната пошатнулась – и вдруг завертелась, словно колдовская карусель.

– Ах, Гинни, не торопись, когда-нибудь поймёшь. Ты еще так юна... Все впереди, моя дорогая... – Голос ее становился глуше и глуше, переходя в старческое бормотание. – Где моя молодость, где мои девятнадцать лет... Ах, Гинни, Гинни...

На глаза навернулись слезы – то ли от табачного дыма, то ли от смутного ощущения тоски.

– Бабушка! – крикнула я... и очнулась.

И, конечно, обнаружила себя не в роскошном особняке Валтеров на Спэрроу-плейс, а на втором этаже кофейного салона «Старое гнездо». В воздухе витал острый запах мятных капель и нашатыря. Тяжёлые тёмно-бежевые шторы были отдернуты, и сквозь широкие окна в комнату лился солнечный свет и свежий весенний ветер.

– Леди Виржиния, наконец-то! – с облегчением воскликнули рядом. – Мы уж боялись, что придётся звать доктора Хэмптона.

Я тотчас же узнала говорящую – да и немудрено, после стольких-то лет знакомства:

– Миссис Хат, – откликнулась я, пытаясь сесть и оглядеться. Голова всё ещё немного кружилась. Но, благодарение святой Роберте Гринтаунской, освободившей женщин от гнёта корсетов и прочих ужасов уходящей эпохи – дышать было легко, и дурнота постепенно сходила на нет. – Что произошло?

– Ах, леди Виржиния, ну и напугали же вы нас! – повторила немолодая кондитерша, промокнув глаза жёлтым платком. Именно от миссис Хат густой запах мяты исходил сильнее всего – кажется, моё самочувствие и вправду сильно её беспокоило. Льянной фартук смялся, из-под белоснежного чепца выбилась седая прядь, а лицо было мокро от слёз. – Лишились чувств прямо на лестнице, хорошо, что Георг шёл следом и успел вас подхватить! Видно, сильно подкосили вас похороны старой графини Эверсан... – покачала она головой и добавила сердито: – Уж поверьте, госпожа Милдред не хотела, чтобы вы так убивались по ней.

Скажи это кто-нибудь другой, такие слова можно было бы посчитать бестактными. Но уж миссис Хат имела полное право говорить от лица моей бабушки всё, что посчитает нужным. Несмотря на различное положение в обществе, леди Милдред и мисс Роуз с юности связывала крепкая женская дружба, какую редко встретишь в нынешние времена.

А начиналась история весьма печально. Моя неугомонная и энергичная бабушка в неполных восемнадцать лет взялась опекать нежный и слабый приютский цветок, Розы Фолк. Тогда это было модно – браться за воспитание детей-сироток и хвастаться в высшем свете своей добродетельностью. Конечно, многие ограничивались пустыми формальностями: передавали приюту деньги да раз в месяц появлялись в обществе вместе с нарядным и умытым по случаю торжественного выхода ребёнком. Но леди Валтер никогда не делала что-то лишь наполовину. И поэтому скоро, после оформления надлежащих бумаг, десятилетняя Роуз переехала в особняк на Спэрроуплейс. В приюте маленькой мисс Фолк приходилось несладко – девочку с мягким характером и чутким сердцем всяк обидеть норовил, и вряд ли бы она дотянула хотя бы до совершеннолетия.

Но под покровительством моей деятельной бабушки, из всех святых больше всего почитавшей Роберту из Гринтауна, Роуз расцвела. Она очень привязалась к своей опекунке – до того, что позднее даже последовала за Милдред и ее мужем, графом Эверсаном, в то самое достопамятное кругосветное путешествие, из которого молодая чета вернулась в ореоле славы и всеобщего поклонения. Именно тогда Милдред на приеме в Квин-Арч получила от самой Катарины Четвертой особое королевское разрешение – ей, графине Эверсан, *женщине*, дозволено было лично заниматься делами кофейни «Старое гнездо».

Той самой, в которой сейчас стала полноправной хозяйкой я, леди Виржиния-Энн Эверсан.

Впрочем, всё это лирика и бесплодные размышления о временах давно минувших. Кажется, я действительно позволила себе уйти *слишком* глубоко в траур по самому дорогому существу в моей жизни – графине Милдред Эверсан. Вряд ли когда-нибудь мне встретится человек, который заслужит такие же уважение, восхищение и любовь, какие я к ней испытывала.

– Да, миссис Хат, думаю, вы абсолютно правы, – вздохнула я. – Леди Милдред часто говорила, что горе и страдания живых не пускают мертвых на Небеса.

Пухленькая кондитерша шумно вздохнула и набожно осенила себя священным кругом:

– Да покоится она в мире... Как ваша голова, леди Виржиния? Ещё кружится?

Я встала и сделала шаг. Доски под пушистым ковром тихо скрипнули – почти неразличимо для слуха. Как быстро стареют вещи! Подумать только, ведь этот дом был построен во времена бабушкиной молодости, именно для кофейни. Тогда на новеньком фасаде название смотрелось насмешкой – вот оно, знаменитое чувство юмора графини Эверсан.

А теперь «Старое гнездо» стало действительно старым.

– Немного кружится, миссис Хат, но это скоро пройдет. Мой отец тоже был склонен к обморокам. Да и мать не отличалась крепким здоровьем, – вынужденно признала я и добавила по привычке: – Да покоятся они в мире...

– Слишком много разговоров о покойниках сегодня, леди Виржиния, – вздохнула кондитерша, и её пальцы вновь очертили

круг. – Не к добру это. Может, спуститесь в зал и выпьете кофе? До открытия далеко.

Я осторожно одёрнула платье. Юбки немного замялись, но, увы, на то, чтобы переодеться в другой наряд, уже не оставалось времени.

– До полудня, конечно, далеко, но у меня есть и другие дела, – покачала я с сомнением головой. – Надо сперва зайти к парикмахеру, потом напомнить управляющему, чтобы он отправил письмо Хаммерсонам. Если арендную плату за ферму задержат ещё на месяц, боюсь, нам придется расторгнуть соглашение. Да и кофе не слишком полезен для моего слабого сердца... Где шляпка с вуалью?

– Владелица кофейни, которая сама никогда не пьёт кофе! Расскажешь кому – и не поверят, – улыбнулась миссис Хат, подавая мне черную широкополую шляпку. Семидесятидневный траур по покойной графине я уже растянула вдвое и не собиралась пока прекращать, хотя некоторые знакомые начали снисходительно поглядывать на меня.

Пускай. Леди Милдред была достойна даже большего, чем четыре с половиной месяца траура.

– Не вздумайте раскрывать мои секреты, – шутливо пригрозила я кондитерше, закрепляя шляпку шпильками. Ох, уж эта мода... – Боюсь, для общества столь неожиданное развенчание представлений об обычных хозяйках кофейен станет слишком сильным ударом. Где шаль, миссис Хат?

– Внизу, на кресле, я думаю. Не лучше ли спросить Мадлен? Мэдди, ласточка моя, где шаль леди Виржинии? – крикнула кондитерша в коридор, приоткрыв двери.

Внизу что-то упало, а потом дробно застучали каблочки.

– Не стоило её отвлекать, – только вздохнула я и, поправив шляпку в последний раз, быстро вышла из комнаты. – Внимания Мэдди, увы, хватает только на что-то одно... Боюсь, очередной чашке конец.

Что правда, то правда – посуды по вине нашей маленькой актрисы было попорчено немало. Но тем не менее, Мадлен была совершенно замечательной девушкой – старательной, веселой, живой. Бронзовые кудряшки вечно плясали вокруг лица, колоколом вздувалась от бега коричневая юбка. Мэдди часто смеялась... но беззвучно. К нам, в кофейню, она попала уже немой, общалась

только знаками, хотя грамоту – удивительно для девушки её происхождения – знала преотлично и вдобавок умела писать красивым, округлым почерком.

Нам почти ничего не было известно о прошлом Мадлен, кроме того, что она приехала в Бромли, столицу, два года назад в надежде стать актрисой. Устроилась в одну из бромлинских трупп и вроде бы даже имела успех, но тут судьба окончательно отвернулась от неё. В одну из ночей после премьеры театр вспыхнул как спичка, а Мэдди нашли в подсобке, в подвале, избитую до неузнаваемости и со странными ожогами на ногах и на спине.

Тогда же у неё пропал и голос.

Впрочем, сейчас Мадлен уже нисколько не сожалела о своей несостоявшейся сценической карьере и была вполне довольна местом разносчицы в одном из самых дорогих и элитарных кофейных салонов Бромли.

Мэдди встретила меня на нижней ступеньке и со старомодным реверансом протянула шаль – черную, как сажа. У меня были и цветные шёлковые платки по последней моде, и подобающие благородной даме пелерины, однако для прогулок по городу я предпочитала именно простую шаль, чтобы не выделяться из толпы. А «хождение в народ» – именно то, чего всегда ожидали в свете от леди Милдред Эверсан и её потомков.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила я девушку, и та расцвела улыбкой. – Георг здесь?

Мадлен на мгновение задумалась, а потом мотнула головой. Рыжие пружинки волос прыгнули из стороны в сторону, чиркнув по белой коже.

– Он вышел на улицу? – уточнила я. Девушка энергично кивнула. – Зачем?

Бледные, как у всех рыженьких, руки Мадлен птицами взлетели, очерчивая в воздухе странную вытянутую фигуру, указали за меня, а потом одна ладошка прижалась ко лбу, и Мэдди чуть откинулась назад. Живые карие глаза весело сверкали из-под ресниц. Кажется, все происходящее ее немало забавляло.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы разгадать пантомиму – за последний год я уже порядком поднаторела в расшифровке подобных представлений. Да и артистическим талантом

